

Таршева М.Н., Толкунова Н.Н. Становление института медиации в России и за рубежом. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10407 // Антиномии. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 124–142.

УДК 316.77:343.137

DOI 10.24411/2686-7206-2020-10407

Становление института медиации в России и за рубежом

Мира Николаевна Таршева

адъюнкт Орловского юридического института МВД России

им. В.В. Лукьянова, г. Орел, Россия.

E-mail: tarsevamirabella@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3860-2299

SPIN-код: 9039-9394

Наталья Николаевна Толкунова

доктор технических наук, профессор,
профессор кафедры таможенного дела

Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева,
г. Орел, Россия.

E-mail: tolkunova2@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2353-2099

SPIN-код: 1718-9822

*Статья поступила 08.06.2020, принята к печати 15.10.2020,
доступна online 11.01.2021*

Решение юридических конфликтов при участии посредника является ресурсным механизмом для сохранения времени, денежных средств и сил спорящих сторон, действующим в направлении достижения консенсуса. Примирительные практики при участии третьей, непредвзятой, стороны известны с давних времен во многих странах. Настоящая статья посвящена ретроспективному анализу процесса развития восстановительного правосудия и формирования института медиации. Рассмотрены философские предпосылки посредничества в античный и средневековый периоды и в Новое время. Авторы акцентируют внимание на историко-правовом развитии медиативных практик в России и в зарубежных странах. Более подробно медиация рассматривается как альтернативный традиционному (карательному) способ реагирования на преступление, заключающийся в разрешении уголовно-правового конфликта между сторонами при посредничестве независимого участника – медиатора. Выделяются три модели медиации в зависимости от стадии процесса ее применения: до возбуждения уголовного дела, после возбуждения уголовного дела, а также пенитенциарная модель медиации. Ретроспективный анализ процесса

© Таршева М.Н., Толкунова Н.Н., 2020

становления института медиации в российском и зарубежном праве позволяет констатировать, что истоки примирительных практик с участием посредника прослеживаются уже в античный период. На раннем этапе развития восстановительное правосудие нашло свое отражение в идеях майевтики; в период Средневековья медиативные практики, как правило, не применялись. Период Нового времени был более плодотворным и «реанимировал» восстановительное правосудие, найдя свое отражение в гуманистических идеях писателей и философов. На современном этапе развития медиация рассматривается как альтернативная традиционной процедура разрешения спора. Методологической основой работы являются общенаучные методы (анализ, синтез, индукция, дедукция, диалектико-материалистический и системный методы и др.), а также специальные юридические методы (сравнительно-правовой, юридико-догматический и др.).

Ключевые слова: медиация, восстановительное правосудие, посредничество, примирительные практики, уголовное судопроизводство, альтернативный способ разрешения уголовно-правового конфликта.

Введение. Обострение юридических конфликтов оборачивается потерей времени, средств и сил и редко приводит к эффективному для спорящих сторон результату. Некоторые авторы, придерживаясь концепции восстановительного правосудия, рассматривают медиацию как действенный инструмент при разрешении уголовных споров (Софийчук, Валеев 2014).

Для понимания важности медиации представляется необходимым проанализировать философские и историко-правовые основания становления данного института в России и в зарубежных странах. Совершенствование судебной системы и процессуального права все чаще ставит законодателей и юридическое сообщество перед необходимостью поиска и имплементации альтернативных форм прекращения юридического спора, позволяющих решить большинство конфликтов на этапе переговоров без судебного разбирательства.

Кроме того, одной из особенностей совершенствования отечественного уголовно-процессуального законодательства в настоящее время является поиск наиболее действенных механизмов, которые могли бы обеспечить решение следующих задач: 1) восстановление соответствующего порядка функционирования общественных отношений, нарушенных в результате совершенного преступления; 2) реализация возмещения причиненного преступлением ущерба потерпевшей стороне; 3) обеспечение должной превенции и ресоциализации лица, совершившего преступление.

Гуманизация, либерализация и демократизация уголовного правосудия как общемировая тенденция развития законодательства в сфере уголовной юстиции, а также подтвержденный криминологическими исследованиями факт несостоятельности карательных мер в борьбе с рецидивной преступностью обуславливают необходимость и целесообразность поиска и имплементации альтернативных механизмов разрешения споров в правовые системы.

Философские аспекты медиации. С древних времен для разрешения споров обществу была знакома процедура медиации. Медиация как социальное явление в онтологическом и гносеологическом понимании

представляет более сложную схему, чем простое примирение с участием посредника (Юнгус 2018: 292).

Как отмечает Г.А. Юнгус, в философском дискурсе предшествующих эпох термин «посредничество» эксплицитно не представлен. Онтологической основой данного понятия является история и теория государства и права. В то же время повседневный дискурс характеризуется культурно-историческими традициями посредничества при примирении сторон. Кризисные ситуации, деструктивно влияющие на общество, изменили повседневное бытие, усложнив ритуал примирения, что сделало феномен посредничества объектом философского познания (Юнгус 2018: 292).

Анализируя философские аспекты становления института медиации, мы будем рассматривать особенности данного процесса в античный, средневековый периоды и в Новое время, кратко освещая основные идеи мыслителей в области примирения сторон.

Античность. Идея восстановления солидарности в процессе примирения сторон привлекала внимание мыслителей еще во времена Античности. Проблема солидарности в решении конфликтной ситуации при участии посредников рассматривается в трудах философов Древней Греции; успешность процесса примирения они тесным образом связывают с личностью посредника.

Понимание объективной стороны противоречий в споре и осознание общности интересов лежит в основе сократического метода ведения спора – майевтики. Майевтика представляет собой ведение диспута как поиска истины посредством логически выстроенной последовательности вопросов, демонстрирующих критическое отношение к догматическим утверждениям. Особую ценность философского наследия Сократа составляют нравственная философия, учение о добродетелях и учение об обязанностях. Майевтический метод ведения спора предполагает, по нашему мнению, не только диалог, но и полилог, где третьей стороной может выступать посредник, помогающий вести общение спорящих лиц по верному пути.

Для Платона главный метод познания – диалектика, которую он определяет как познание сущности самих вещей. Представляется, что ведение спора при участии посредника ставит перед последним задачу восстанавливать чувство справедливости и солидарности дискутирующих сторон, что основано также на ценностях социальных связей (Юнгус 2018: 293) и доверии.

Следует обратить внимание на важные для ведения переговоров логические законы, предложенные Аристотелем: закон тождества, закон противоречия, или закон исключенного третьего. Согласно первому закону при употреблении понятия должно использовать одно и то же его значение. Согласно второму – среди двух противоречивых понятий одно является не истинным. Введя термин «этика», Аристотель определил этические добродетели. Так, в отношении посредника к ним можно отнести стремление к миру в споре, безупречные душевные качества.

Античный период характеризуется поиском методов, этических принципов и выработкой законов ведения диалога (Юнгус 2018: 293).

Средневековье. В трудах схоластиков и Отцов Церкви послеапостольского периода также уделяется внимание роли и месту философа в социуме. Для Средневековья свойственна идея человеческой слабости, которая рассматриваются как исконное, природное несовершенство человека.

Согласно учению Аврелия Августина предопределение ограничивает человеческое бытие и общественные взаимоотношения. По мнению философа, люди могут совершать злые деяния в любых ситуациях, так как это предустановлено с момента грехопадения. Жизнь человека по своему содержанию являет собой конкретный осмысленный процесс. (В монографии князя Е. Трубецкого концепция Аврелия Августина интерпретируется как политико-правовая теория, а средневековые теологи трактуются как юристы. Взаимосвязь теологического и юридического компонентов в учении Аврелия Августина признается также профессором В.С. Нерсисянцем (Федотенков 1999: 26).) Рассматривая человека как существо, несущее личную ответственность за деяния, Августин, кажется, стремился эмансипировать человека, дав ему право на независимые поступки, но в то же самое время имплицитно оценивая их как зло, если такие поступки не соответствуют Божественному слову.

Идея слабости человеческой природы представлена также в трудах Н. Макиавелли, который отмечает при этом необходимость выстраивания доброжелательных отношений с советниками. Эта позиция, безусловно, сужает возможности посредника при разрешении спора. Макиавелли утверждает, что человек постоянно находится в злобном состоянии, но это лишь до момента, когда ему самому необходимо проявить доброту (Юнгус 2018: 293).

Установление государственных законов в начале Средневековья способствовало переоценке конфликта как такового: из разряда частного он переходит на уровень общественного. Концепция авторитарного наказания вытеснила концепцию возмещения вреда.

Средневековый этап характеризуется строгостью в оценке проступков человека, которые заведомо рассматриваются как маркер человеческого несовершенства. Данная установка редко позволяла посреднику выйти за рамки общественных представлений о необходимости применения наказаний и находить возможности решения спорной ситуации без суда.

Новое время. Рассуждая о проблемах в области государственно-правовых взаимоотношений, Т. Гоббс утверждал, что власть должна предугадывать поведение людей как сама, так и через посредников. Например, нивелированию напряженности конфликтной ситуации способствует открытый диалог, который дает возможность влиять на действия спорящих лиц, фокусируя внимание на мирном решении вопроса. По мнению ученого, участие государства как посредника в разрешении конфликта людей позволяет, не растягивая конфликтную ситуацию, привести спорящих к мирному соглашению (Юнгус 2018: 294). В основе такой практики должна лежать правовая грамотность.

Идея примирения как пути решения конфликтов находит свое отражение в философии Ф.М. Достоевского (Медведева 2000), Л.Н. Толстого, М.М. Бахтина и др.

Диалогическая философия М.М. Бахтина основана на принципе видения и предполагает гуманистическое мышление. Понимаемый широко – как внутренний диалог и как диалог культур – диалогизм подразумевает не только процесс коммуникации, но и природу самой человеческой жизни (Воропай 2001). Так, философия диалога ориентирована на процесс выстраивания коммуникации при активном слушании и внимательном отношении друг к другу, что, на наш взгляд, и является базовым принципом работы медиатора.

Понятия свободы выбора, посредничества и мирного сосуществования рассматриваются в трудах К. Поппера, Э. Дюркгейма, Ю. Хабермаса и др.

Согласно воззрениям К. Поппера, борьба со стереотипами возможна в процессе ведения открытого диалога путем применения рациональных доводов и аргументации, которые предполагают присутствие трансцендентального наблюдателя – медиатора, профессионально владеющего технологиями ведения открытого диалога. Как отмечает Г.А. Юнгус, «медиатор самотрансцендентен в роли критика и самокритика, и в этом качестве он самоорганизован, причем самоорганизован, так сказать, на рациональной основе» (Юнгус 2020: 7).

В Новое время философские поиски основ примирения базируются на правовой грамотности, законности, солидарности и этических нормах ведения восстановительного правосудия.

Историко-правовые аспекты медиации за рубежом. Восстановительные практики урегулирования конфликтов, в том числе уголовных, с древнейших времен до наших дней в разных обществах имеют своим основанием религиозно-традиционные представления о нормализации нарушенных в обществе правоотношений.

Так, в бедных индейских общинах Боливии, для которых официальное правосудие недоступно, по сей день сохранились традиции общинного правосудия по уголовным делам. В отправлении правосудия принимают участие все члены общины (Руденко 2011: 98). В индейских общинах Гватемалы суды обычного права действуют на основе принципов гармонии, согласия, примирения. При этом разрешение дел, при непосредственном участии сторон, является прерогативой наиболее опытных лидеров общины. Компенсации потерпевшей стороне, а также наказания виновных айвовами или персиковыми розгами применяются в качестве санкций (Руденко 2011: 151).

Медиация и в далеком прошлом являлась частью процесса по урегулированию конфликтов, связанных с преступлением. Например, Кодекс Хаммурапи (около 1750 г. до н.э.) предусматривал правила реституции – оплаты потерпевшему от преступлений со стороны правонарушителя. В Библии также обсуждаются вопросы реституции. Салическая правда (507–510 гг.) предусматривает наказания, представляющие собой возмещение ущерба жертве со стороны лица, совершившего преступление, а также реституцию за убийства (Кури, Ильченко 2015: 121). Широкое применение мер возмещения и их подробное описание можно обнаружить в законах хеттов (около 1300 г. до н.э.). Возмещение ущерба, будучи неотъемлемой частью наказа-

ния с древнейших времен (особенно в законах античного периода, в исламской системе наказания и в правовых обычаях многих племен), «имеет долгую и, очевидно, успешную историю» (Кури 2015: 175).

В своем исследовании П.И. Костогрызов указывает, что осуществление правосудия органами государственной власти – явление исторически недавнее. «Государства до эпохи Модерна не претендовали на такую монополию, наряду с государственными повсеместно функционировали иные судебные институты», выступающие в качестве органов общинного правосудия. Как отмечает ученый, возникший в последние десятилетия интерес к возможностям общинного правосудия обусловлен необходимостью поиска наиболее эффективных механизмов и методов в решении проблем, связанных с высокой степенью загруженности органов правосудия и неэффективностью карательных способов реагирования на преступления (Костогрызов 2018: 45).

Медиация не была изобретением европейцев, она органически выросла из системы мировоззрения и взаимоотношений внутри традиционных коллективов. Столкнувшись с примирительными процедурами в ходе колонизации, европейцы переосмыслили и имплементировали их в свои правовые системы. А для этого уже были предпосылки, в частности в виде описанных выше философских представлений о посредничестве.

Современный этап разработки и становления института медиации берет свое начало в середине 1970-х годов, когда Канада и США начали использовать альтернативные методы разрешения конфликтных ситуаций, опираясь на результаты исследований европейских ученых. Формирование принятой сегодня процедуры примирения с привлечением посредника в европейских странах относится к 80-м годам прошлого века.

Интерес к примирению в странах Западной Европы в 80-е гг. XX в. возрос с учетом кризисных явлений судебной системы, в результате чего были созданы специализированные организации, оказывающие содействие в урегулировании спора, такие как Группа альтернативного разрешения споров (ADR-Group) и лондонский Центр по разрешению споров (Centre for Effective Dispute Resolution (CEDR)).

Приверженцы концепции восстановительного правосудия предлагают новый подход (альтернативный традиционно-карательному подходу уголовной юстиции) в реагировании на преступление, а также понимании самого преступления.

Зер Ховард, являющийся идейным вдохновителем концепции восстановительного правосудия, видит суть преступления в «насилии над личностью, надругательстве над сущностью, над тем, во что верит человек, посягательстве на частное пространство»; кроме того, «преступление разрушает чувство автономии: посторонний присвоил себе право распоряжаться нашей жизнью, собственностью, личным пространством». Далее он приходит к выводу о необходимости в процессе разрешения уголовно-правовых конфликтов фокусировать основное внимание на потребностях жертв преступлений, которые должны занимать центральное место в судебном процессе, а не играть в нем роль свидетелей. Кроме того, «пострадавшие нуждаются

в выражении и признании своих чувств: гнева, страха, боли», которые невозможно выразить в рамках традиционного процесса (Зер 2002: 14-15).

Главная идея данного подхода заключается в необходимости примирения сторон уголовно-правового конфликта, посредством которого достигаются: 1) восстановление соответствующего порядка функционирования общественных отношений; 2) реабилитация прав и удовлетворение интересов, в том числе психоэмоционального характера, потерпевших от преступного деяния; 3) ресоциализация лица, совершившего преступление, и осознание вины и ответственности за причиненный вред со стороны данного лица; 4) превентивные цели. При этом для достижения указанных целей предлагаются различные механизмы и процедуры разрешения уголовно-правовых споров: медиация, семейные конференции, круги правосудия и др.

На рубеже 1970–80-х годов появляются первые профессионалы-практики, оказывающие реальную помощь в разрешении конфликтов и эффективно их решающие. Организация Объединенных Наций объявила 1986 г. Годом мира. Это явилось стимулом к созданию в Австралии Международного центра разрешения конфликтов, который ориентирует свою деятельность на практическое улаживание конфликтов, а также на обучение правилам ведения медиации. Аналоги данного центра начали создаваться по всему миру. Первый российский Центр разрешения конфликтов был открыт в 1993 г. в Санкт-Петербурге.

Изучению восстановительного правосудия в США и других странах англосаксонского права посвящены труды А.С. Василенко (Василенко 2013: 32), которая отмечает, что невысокий уровень интереса к медиации в США обусловлен широким применением других процедур восстановительного правосудия. Это обстоятельство исследователь связывает с отсутствием закрепленной на законодательном уровне программы восстановительного правосудия. А.С. Василенко обращает внимание на такие американские практики восстановительного правосудия, как 1) медиация жертвы и преступника (Victim-Offender Mediation program), предполагающая работу посредника в суде и являющаяся альтернативой судебному преследованию; 2) семейные конференции (Family Group Conferencing) – зародившаяся в Новой Зеландии программа, которая применяется при участии в деле несовершеннолетних и распространилась в модифицированном виде в Англии, США и Канаде; 3) общественный совет восстановительного правосудия (Community Reparative Boards) и 4) круги правосудия (Sentencing Circle) – программы, в которых посредниками выступают прошедшие интенсивное обучение добровольцы из местного населения.

Впервые программа примирения жертвы и преступника была применена в Канаде в 1974 г. Судья по делу о факте вандализма принял решение о возмещении лицами, совершившими противоправное деяние, ущерба потерпевшим и принесении извинений по предложению офицера службы probation и представителя местной общины (Арутюнян 2013: 126).

Посредничество было введено как экспериментальный проект в Норвегии в 1981 г., через два года Финляндия также применила медиацию.

Но лишь в 1990-х гг. многие страны Европы утвердили примирительный процесс на законодательном уровне.

С 1984–1985 гг. начались пробные процессы с медиацией между жертвами и преступниками в Германии, а в 1988 г. медиация была включена в рекомендации Государственной комиссии (Bund/Länder-Adhoc-Kommission). В 1999 г. правительство Германии приняло «Закон о разрешении конфликтов без суда», согласно которому судьи и прокуроры должны обеспечить возможность разрешить конфликт с помощью медиации на всех стадиях уголовного процесса, а реституция преступника жертве официально стала частью процедуры наказания.

С 1985 г. в Австрии начали действовать экспериментальные проекты восстановительного правосудия по уголовным делам некоторых категорий. Изначально практика несудебного урегулирования уголовно-правовых споров применялась к несовершеннолетним преступникам. В дальнейшем, после получения хороших результатов, практику распространили и на преступников из числа взрослых лиц. Впоследствии уголовно-процессуальное законодательство Австрии отказалось от уголовного преследования лиц, совершивших преступления, принимающих участие в восстановительных процедурах при установлении судом периода условного освобождения от уголовной ответственности (от 1 до 2 лет) (Руденко 2011: 64).

Франция и Бельгия, имеющие уголовно-процессуальные системы, близкие российской юридической технике, пошли по долгому пути становления института медиации, которая в этих странах «выросла» из практической деятельности. Медиация была принята посредством внесения изменений и дополнений в УПК во Франции – законами 1993 г., в Бельгии – 1994 г. Суть ее заключается в том, что прокурор на стадии возбуждения уголовного дела инициирует процедуру примирения и по результатам принимает решение о принятии уголовного дела к производству. Саму же процедуру разрешения спора во Франции возлагают на представителя медиаторной фирмы, не имеющей отношения к уголовной системе, а вот бельгийский законодатель обязал непосредственно прокурора быть медиатором (Русман 2012: 67).

Посредничество в примирении может осуществляться как самим должностным лицом, ведущим производство по делу (эта модель существует в ряде государств, например в Бельгии), так и независимым беспристрастным профессиональным медиатором, представляющим специализированную организацию, осуществляющую деятельность в области медиации.

По нашему мнению, наиболее эффективной медиация может быть тогда, когда ее проведение возложено на лицо, обладающее специальными юридическими навыками, а также знаниями в области проведения переговоров, конфликтологии, психологии и пр. К тому же передача конфликта для разрешения независимому профессионалу позволит решить проблему возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц, ведущих производство, а также со стороны потерпевшего, который может попытаться использовать процедуру медиации с целью оказания влияния на обвиняемого и получения от него несоразмерного деянию возмещения вреда.

Особые знания и навыки медиатора должны оградить участников конфликта от подобных ситуаций и привести не просто к формальному достижению соглашения, но и к разрешению конфликта на психоэмоциональном уровне (Арутюнян 2013: 91).

Таким образом, медиация, будучи изначально экспериментальным способом и программой по разрешению уголовно-правовых конфликтов, по мере своего распространения и внедрения превратилась в самостоятельный институт, закрепленный в нормах процессуального законодательства.

Историко-правовые аспекты медиации в России. К факторам, оказавшим влияние на развитие примирительных практик русского народа, относят многоукладность социальной жизни, разнообразие культурной жизни и народных традиций (при сохранении некоей общей духовно-идеологической основы). Существенное влияние оказало и православие с его проповедью миролюбия и смирения (Кудрявцев 2014: 64).

Отечественный путь развития примирительных практик берет свое начало в Русской Правде, псковской Судебной грамоте, судебниках 1497 и 1550 гг., в Соборном Уложении, которые предполагали компенсацию вреда и примирение на любых стадиях рассмотрения конфликта. При этом в процессе примирения участвовали члены общины, поселения, а также использовались услуги посредников (едначей). Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Устав уголовного судопроизводства 1864 г. допускали примирение только по делам частного обвинения (Василенко 2013: 24).

При определении места медиации в российском процессуальном праве необходимо отметить, что понятие и содержание данного термина в уголовном праве имеет свои отличительные черты в сравнении с другими поощрительными нормами, которые регулируют процесс медиации.

По мнению Н.С. Шатихиной, медиация вполне органична для российского законодательства. Отечественной спецификой являются разрозненные поощрительные практики, представленные в науке традиционно прощением правонарушителя государством (Шатихина 2004: 28).

Так, до 1990-х гг. данные процессы происходили преимущественно с учетом интересов государства, что влияло и на результат. Изменения российской общественно-политической жизни поставили на повестку дня поиск уголовно-правовых механизмов, при которых уступки государства переросли бы в обязанность государственных органов быть активной стороной процесса нивелирования конфликтов в обществе. Одним из таких механизмов выступает медиация, которая предполагает особую форму реализации общего метода поощрения и компромисса в борьбе с преступностью.

Н.С. Шатихина определяет медиацию как «специфический уголовно-правовой механизм урегулирования конфликта, возникшего в обществе в результате совершения преступления, реализуемый в виде совокупности взаимонаправленных юридически значимых действий участников конфликта при активной посреднической роли государственных органов» (Шатихина 2004: 8). Проведенный исследователем анализ нормативного

массива по вопросу предоставления поощрительных благ лицу, которое совершило преступление, позволил выделить два института, отвечающие указанным выше требованиям – это примирение с потерпевшим и деятельное раскаяние.

Первоначальная форма примирения, утвержденная законодательно в 1996 г., оказалась не вполне эффективной. Осмысление практики урегулирования юридических споров тесно связано с адвокатской деятельностью. Именно адвокаты относятся к первому типу медиаторов. Оказывая квалифицированную юридическую помощь и принимая непосредственное участие в управлении юридическими конфликтами, адвокаты поддерживают и развивают институт медиации как перспективную область деятельности, отвечающую поставленным перед ними профессиональным целям и задачам. В контексте разнообразного участия адвокатов в проведении примирительных процедур особое значение имеет принятие Федерального закона от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (Федеральный закон № 193-ФЗ, 2010), который вступил в силу с 1 января 2011 г.

Принимая во внимание особенности правового статуса российских адвокатов в вопросе урегулирования юридических споров посредством медиации, можно выделить следующие виды деятельности адвоката: 1) консультант одной из конфликтующей сторон, который оказывает помощь в урегулировании разногласий; 2) представитель одной из конфликтующей сторон в процессе подготовки и проведения медиации; 3) нейтральный посредник, или медиатор, который помогает спорящим сторонам достигнуть консенсуса и прийти к соглашению по возникшему спору.

Как отмечает отечественный исследователь А.М. Понасюк, существуют и отличия в деятельности адвоката в качестве медиатора. Во-первых, это предметная сфера деятельности адвоката, которая требует глубокого всестороннего анализа конфликтных отношений и возникших противоречий. Во-вторых, это роль адвоката как непредвзятого посредника, который помогает спорящим сторонам найти взаимовыгодные условия для прекращения спора. В-третьих, деятельность адвоката предполагает особую процедуру примирения, суть которой заключается в соблюдении оценочной модели медиации и профессиональной этики. Правовое регулирование данного вопроса отражено также в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (Федеральный закон № 63-ФЗ, 2002), Кодексе профессиональной этики адвоката (Кодекс...) и в процессуальном законодательстве (Понасюк 2011: 11).

Ко второму типу медиаторов в уголовном процессе относятся сотрудники правоохранительных органов: «...если дело находится в производстве следователя, то решение им принимается с согласия руководителя следственного органа, если же речь идет о дознавателе – с согласия прокурора» (Воскобитова и др. 2007: 79).

Третий тип медиаторов – это мировые судьи по делам частного обвинения УПК РФ (Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ, 2001). Так, согласно ч. 5 ст. 319 УПК РФ мировой судья, рассматривающий конкретное

дело частного обвинения, обязан разъяснить сторонам процесса их право на примирение. Как отмечают некоторые исследователи, «по своему социально-правовому предназначению и положению институт мировых судей изначально соответствует духу примирительных процедур» (Воскобитова и др. 2007: 78).

Следует подчеркнуть, что, принимая во внимание современную практику ведения медиации профессиональными психологами, в отношении уголовных дел, по нашему мнению, медиаторами данные лица выступать не могут, если у них отсутствует профильное юридическое образование, необходимое для ведения процедуры применения в правовом поле с учетом сроков, процедур и техник уголовного процесса.

Полагаем, что ни адвокаты, ни мировые судьи, ни сотрудники правоохранительных органов посредниками-медиаторами при разрешении уголовно-правовых конфликтов не являются. В связи с введением нового института – судебных примирителей, представляется, что данные субъекты могут стать посредниками уголовно-процессуальной медиации и подойдут для этой роли лучше прочих, с учетом того что судебным примирителем может стать судья, пребывающий в отставке.

Во многих государствах медиация существует как способ разрешения уголовно-правовых конфликтов. «В последние два десятилетия институт медиации развивается во многих уголовно-процессуальных системах, причем развивается вне зависимости от специфики правовой системы и исповедуемой модели (формы) уголовного судопроизводства, став, по сути, явлением универсальным», – отмечает Л.В. Головки (Головки 2009: 128).

В отечественном уголовно-процессуальном праве институт медиации отсутствует, однако существуют институты освобождения от уголовной ответственности (прекращения уголовного дела и уголовного преследования по различным основаниям): в связи с примирением с потерпевшим, в связи с возмещением ущерба при назначении судебного штрафа, а также – по экономическим преступлениям – в связи с деятельным раскаянием. Таким образом, можно говорить, что существующие нормы содержат предпосылки и ресурс, которые необходимы для имплементации медиации.

Сущность медиации как альтернативного, отличающегося от традиционного (карательного), способа реагирования на преступление заключается в разрешении уголовно-правового конфликта, являющегося следствием совершенного преступления, между сторонами при участии независимого участника – медиатора. При этом медиация как программа восстановительного правосудия преследует следующие цели: 1) примирение потерпевшего с лицом, совершившим преступление, посредством восстановления прав потерпевшей стороны путем заглаживания вреда, а также реабилитация психологического состояния потерпевшего путем принесения извинений, объяснения причин содеянного; 2) предупреждение повторной виктимизации потерпевшего; 3) исправление и ресоциализация лица, совершившего преступление, ввиду осознания вины за совершенное, а также ответственности за последствия, наступившие в результате преступления, в том числе связанные с переживаниями потерпевшего, в ряде случаев и его родствен-

ников; 4) предупреждение повторного совершения преступления данным лицом; 5) восстановление нарушенного правопорядка.

Отечественный ученый А.А. Арутюнян выделяет две модели медиации в зависимости от стадии процесса ее применения: до возбуждения уголовного дела и после возбуждения уголовного дела. Применение первой модели урегулирования конфликта предполагает отказ органов уголовной юстиции от возбуждения уголовного преследования. К ней относятся примирительные формы разрешения уголовного дела. Вторая модель медиации понимается как примирение сторон до вынесения решения суда (Арутюнян 2013: 91). Первая модель медиации вступает в противоречие с ныне действующими нормами процессуального законодательства. Так, на основании положений ст. 21 УПК РФ органы уголовной юстиции обязаны в каждом случае обнаружения признаков преступления осуществлять уголовное преследование, а также осуществлять предварительное расследование по возбужденному уголовному делу (Уголовно-процессуальный кодекс РФ № 174-ФЗ, 2001: ст. 21).

На основании изложенного полагаем, что применительно к отечественной системе уголовного судопроизводства приемлемой будет являться вторая модель медиации, проводимой как на стадии предварительного расследования в досудебном производстве, так и на стадии судебного рассмотрения дела. (На этапе судебного рассмотрения медиация вполне возможна, хотя зачастую стороны, не изъявившие желание пройти медиацию на стадии расследования, исходя из того что от момента произошедшего преступного деяния до начала судебного рассмотрения проходит достаточно много времени и поучаствовав в следственных действиях (очных ставках и пр.), укрепляются в своем решении не участвовать в альтернативной процедуре. Тем не менее нельзя исключать случаи, когда стороны могут прийти к пониманию необходимости проведения медиации и озвучить свое волеизъявление на стадии судебного рассмотрения уголовного дела.)

Представляется, что успешно пройденная процедура медиации может являться основанием для прекращения уголовного дела (уголовного преследования) и, кроме того, быть обстоятельством, смягчающим наказание, учитываться при принятии решения об освобождении от наказания (в зависимости от тяжести деяния, обстоятельств совершенного преступления, с учетом характеристик личности и посткриминального поведения).

Медиация как процедура примирения имеет смысл лишь в том случае, если нормы права предусматривают само примирение как основание для отказа государства от уголовного преследования. В настоящий момент это возможно по преступлениям небольшой и средней тяжести. Мы полагаем, что медиация может иметь место и по преступлениям, относящимся к категории тяжких, к примеру по преступлениям против собственности, по которым от позиции потерпевшего сильно зависит степень общественной опасности деяния. Таким образом, мы можем говорить о расширении диспозитивных начал в уголовном процессе.

Решение о прекращении уголовного преследования в досудебном производстве при заключении медиативного соглашения по итогам прохождения

процедуры медиации (в случае достижения примирения) необходимо отнести к компетенции судьи, что, в свою очередь, позволит исключить заинтересованность в определенном исходе дела со стороны правоохранительных органов и их должностных лиц.

В.Г. Громов, Н.И. Минкина рассматривают пенитенциарную модель медиации в качестве перспективного инструмента разрешения конфликтов среди осужденных в исправительных учреждениях (Громов, Минкина 2016: 461). Полагаем, что медиация жертвы и преступника, отбывающего наказание в исправительных учреждениях, может способствовать достижению как целей уголовного судопроизводства в части восстановления прав потерпевшей стороны, так и целей превенции.

На наш взгляд, низкая популярность института медиации в России, а также и затруднения, связанные с вопросами имплементации медиации по уголовным делам, обусловлены: а) отсутствием должной подготовки и условий для формирования профессиональных качеств посредников; б) причинами доктринального характера; в) сильной поддержкой карательных мер воздействия со стороны общества, законодательных органов; г) сопротивлением и незаинтересованностью судей, прокуратуры, правоохранительных органов в появлении альтернативных институтов и процедур; д) уже ставшим традиционным недоверием к институтам государственной власти в лице правоохранительных органов; е) недостаточным информированием общества; ж) отсутствием веры в лучшее будущее, подавленностью и цинизмом, характерным для некоторой части общества; з) коррупцией в системе правосудия.

Кроме того, одним из спорных вопросов является вопрос соотношения медиации и наказания в уголовном судопроизводстве. Мы считаем, что восстановительный и карательный подходы не противоречат друг другу и в совокупности могут способствовать достижению различных целей правосудия.

Современное общество нуждается в разработке легитимной модели процедуры медиации, направленной на примирение и поиск компромисса, способствующей осознанию виновным содеянного и признанию им совершенных ошибок, которая позволит обеспечить разрешение возникающих уголовно-правовых конфликтов. Медиация, являясь эффективным средством разрешения уголовно-правовых конфликтов, будет содействовать формированию культуры примирения и доверия к системе правосудия, снижению социальной напряженности в обществе. К безусловными ценностями данной процедуры следует отнести исцеляющую силу правосудия, нацеленность на конструктивный диалог, умение прощать.

Заключение. Восстановительные практики урегулирования конфликтов с древнейших времен до наших дней в разных обществах имеют своим основанием религиозно-традиционные представления о реконструкции нарушенных в обществе правоотношений. Исходя из результатов проведенного в настоящей статье ретроспективного анализа процесса становления института медиации в российском и зарубежном праве, мы можем утверждать, что истоки примирительных практик с участием посредника

обнаруживаются уже в античный период. Важную роль в процессе становления восстановительных практик предыдущих периодов отводили философам. Это, на наш взгляд, вполне оправданно, ввиду того что философ часто рассматривался как человек, обладающий достаточными знаниями для аргументированного ведения спора в направлении достижения консенсуса и высокой степенью справедливости, необходимой для объективной оценки доводов спорящих сторон и общего дискурса конфликта.

На раннем этапе развития восстановительное правосудие нашло свое отражение в идеях майевтики и имело все основания продолжить свое активное влияние на процесс разрешения спора, однако в период Средневековья, в большей степени из-за религиозных представлений общества, медиативные практики практически не применялись. Данный период характеризуется стагнацией, практически повсеместным подчинением единоличной воле оперирующих религиозными догматами ораторов, философов и лидеров.

Период Нового времени был более плодотворным и «оживил» восстановительное правосудие, что нашло свое отражение в гуманистических идеях писателей и философов. На данном этапе развития примирительных практик постулируются заложенные еще в Античности этические нормы ведения переговоров, стремление к выходу из конфликтных ситуаций через подписание мирного соглашения. Важным становится решение спора без эскалации конфликта при соблюдении требования взаимного уважения в процессе ведения диалога. Вновь встает вопрос о роли посредника в решении сложных вопросов, когда конфликтующим сторонам трудно объективно оценить доводы друг друга и самостоятельно прийти к консенсусу, а квинтэссенцией всего процесса, кажется, может быть только судебное разбирательство.

Философские идеи Нового времени в совокупности с традиционными представлениями существенно повлияли на историко-правовое становление института медиации в России и в отдельных зарубежных странах. Для зарубежных стран, в частности для США, наравне с медиацией характерно достаточное количество примеров примирительных практик с участием посредника. Анализ российской правовой истории показывает, что идеи примирения с участием посредника встречаются также в российском праве периода XV–XVI веков. На современном этапе развития медиация применяется как альтернативная процедура разрешения спора. Положения Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (Федеральный закон № 193-ФЗ, 2010) распространяют свое действие на споры, которые возникают в сфере гражданских, административных и иных публичных правоотношений, в том числе в связи с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности, а также на трудовые и семейные правоотношения.

Представляется, что детальный анализ зарубежных и отечественных медиативных практик позволит выделить пределы применения медиации как инструмента решения конфликтных ситуаций, в том числе

и в уголовном процессе, а также четко определить положение данного института в российском уголовно-процессуальном законодательстве.

В связи с этим встает вопрос об имплементации положений медиации в уголовный процесс для усовершенствования как уголовного судопроизводства в целом, так и отдельных его институтов. Предпосылки внедрения медиативных практик в отечественное уголовное судопроизводство рассмотрены в трудах некоторых исследователей, однако современное развитие уголовного права и процесса требует некоторого переосмысления и актуализации выдвинутых предположений, чему будут посвящены наши следующие работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арутюнян А.А. 2013. Медиация в уголовном процессе. Москва : Инфотропик Медиа. 200 с.

Василенко А.С. 2013. Медиация и другие программы восстановительного правосудия в уголовном процессе стран англосаксонского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 32 с.

Воропай Т.С. 2001. Человек в мире слова: Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975) (обзор) // Сборник обзоров и рефератов. Сер. «Философия» РАН. ИНИОН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед. / отв. ред. А.И. Панченко, сост. И.С. Андреева. Москва. С. 53–75. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=216361> (дата обращения: 06.05.2020).

Воскобитова Л.А. и др. 2007. Мировая юстиция: к вопросу о внедрении идей восстановительного правосудия / Л.А. Воскобитова, А.Н. Сачков, В.Н. Ткачев // Российское правосудие. № 12. С. 76–84.

Головкин Л.В. 2009. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации // Закон. № 4. С. 127–135.

Громов В.Г., Минкина Н.И. 2016. Медиация в урегулировании конфликтов среди осужденных и предупреждении преступности в исправительных учреждениях // Всероссийский криминологический журнал. Т. 10, № 3. С. 459–469.

Зер Х. 2002. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание : пер. с англ. Москва : Изд-во Центра «Судебно-правовая реформа». 328 с.

Кодекс профессиональной этики адвоката : принят I Всерос. съездом адвокатов 31 января 2003 г. (ред. от 20.04.2017). URL: <https://to77.minjust.gov.ru/ru/kodeks-professionalnoy-etiki-advokata-1> (дата обращения: 10.04.2020).

Костогрызлов П.И. 2018. Общинное правосудие в странах Латинской Америки. Москва : Юрлитформ. 248 с.

Кудрявцев М. 2014. Традиционные формы примирения в обычаях русского народа (из истории общинного самоуправления в России) // Вестник восстановительной юстиции. № 11. С. 64–74.

Кури Х. 2015. Медиация, восстановительное правосудие и социальная реинтеграция правонарушителей: последствия мер, альтернативных уголовному наказанию // Актуальные проблемы экономики и права. № 3 (35). С. 172–194.

Кури Х., Ильченко О.Ю. 2015. Медиация и восстановительное правосудие как современные тенденции уголовного процесса: российский и зарубежный опыт // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. № 1. С. 120–129.

Медведева Г.Л. 2000. «Пушкинская речь» Ф.М. Достоевского как философия поступка примирения // Дергачевские чтения-2000: Русская литература: националь-

ное развитие и региональные особенности : материалы Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 10–11 окт. 2000 г. : в 2 ч. / сост. А.В. Починенов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та. Ч. 1. С. 131-133.

Понасюк А.М. 2011. Участие адвоката в урегулировании юридических споров посредством медиации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 29 с.

Руденко В.Н. 2011. Участие граждан в отправлении правосудия в современном мире. Екатеринбург : УрО РАН. 644 с.

Русман Г.С. 2012. Развитие медиации в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. № 20. С. 66-69.

Софийчук Н.В., Валеев А.Т. 2014. Предпосылки внедрения института медиации в уголовное судопроизводство Российской Федерации (Криминологический и процессуальный аспекты) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. № 4. С. 114-124.

Федотенков Е.С. 1999. Социально-политические взгляды Аврелия Августина : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь. 26 с.

Шатихина Н.С. 2004. Институт медиации в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург. 28 с.

Юнгус Г.А. 2018. Гносеологические и онтологические аспекты посредничества (медиации) в их социально-философской интерпретации // Вестник Удмуртского университета. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Т. 28, вып. 3. С. 292-296.

Юнгус Г.А. 2020. Медиация: социально-философский анализ : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Владивосток. 24 с.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (с изм. и доп.) // Российская газета. 2001. 22 дек. URL: <https://base.garant.ru/12125178/> (дата обращения: 10.04.2020).

Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Российская газета. 2002. 5 июня. URL: <https://base.garant.ru/12126961/> (дата обращения: 10.04.2020).

Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп.) // Российская газета. 2010. 30 июля. URL: <https://base.garant.ru/12177508/> (дата обращения: 10.04.2020).

Mira N. Tarsheva, Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia.

E-mail: tarsevimirabella@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3860-2299

SPIN-код: 9039-9394

Natalia N. Tolkunova, Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia.

E-mail: tolkunova2@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-2353-2099

SPIN-код: 1718-9822

Article received 08.06.2020, accepted 15.10.2020, available online 11.01.2021

Formation of the Institution of Mediation in Russia and Abroad

Abstract. The resolution of legal conflicts with the participation of a mediator is a resource mechanism for saving time, money and effort of the disputing parties in the process of reaching a consensus. Conciliatory practices involving a third impartial party have been known for a long time in many countries. This article is devoted to a retrospective analysis of the process of the restorative justice development and the formation of the institution of mediation. The philosophical prerequisites of mediation in the ancient and medieval periods and in modernity are considered. The author focuses on the historical and legal development of meditative practices both in Russia and abroad. In more details, mediation is considered as an alternative way of resolving criminal conflicts, revealing its essential characteristics in the field of criminal justice. The author concludes that the existing rules of criminal procedure law contain the prerequisites and resources that are necessary for the implementation of mediation in the domestic criminal proceedings. There are three models of mediation depending on the stage of its application: prior the initiation of the criminal case; after the initiation of a criminal case; the penitentiary model of mediation. The retrospective analysis of the process of establishing the institution of mediation in Russian and foreign law draws attention to the fact that the origins of conciliatory practices with the participation of the mediator had existed in ancient society. At an early stage of development, restorative justice was reflected in the ideas of Mayevtics; during the Middle Ages, media practices were practically not applied. The period of modernity was more fruitful; it “revitalized” the restorative justice, finding its reflection in the humanistic ideas of writers and philosophers. Philosophical ideas of the modernity deeply influenced the historical and legal establishment of the institution of mediation in Russia and in foreign countries. At the present stage of development, mediation is used as an alternative procedure for resolving a dispute. The methodological basis of the work is formed by the universal (dialectical-materialistic) methodology in combination with other general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction, systemic method, etc.); special legal methods: comparative legal, sociological, legal dogmatic, etc.

Keywords: mediation; restorative justice; intermediation; conciliatory practices; criminal proceedings; alternative way to resolve criminal conflict.

For citation: Tarsheva M.N., Tolkunova N.N. *Stanovlenie instituta mediatsii v Rossii i za rubezhom* [Formation of the Institution of Mediation in Russia and Abroad], *Antinomii=Antinomies*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 124–142. DOI 10.24411/2686-7206-2020-10407. (in Russ.).

References

Arutyunyan A.A. *Mediatsiya v ugovnom protsesse* [Mediation in criminal proceedings], Moscow, Infotropik Media, 2013, 200 p. (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2010 goda № 193-FZ «Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (protsedure mediatsii)» (s izm. i dop.) [Federal law No. 193-FZ of 27.07.2010 “On alternative dispute resolution procedure with the participation of a mediator (mediation procedure)” (with changes and additions)], *Rossiyskaya gazeta*, 2010, 30 July, available at: <https://base.garant.ru/12177508/> (accessed April 10, 2020). (in Russ.).

Federal'nyy zakon ot 31 maya 2002 goda № 63-FZ «Ob advokatskoy deyatelnosti i advokature v Rossiyskoy Federatsii» (s izm. i dop.) [Federal law No. 63-FZ of 31.05.2002 “On advocacy and advocacy in the Russian Federation” (with changes and additions)], *Rossiyskaya gazeta*, 2002, 5 June, available at: <https://base.garant.ru/12126961/> (accessed April 10, 2020). (in Russ.).

Fedotenkov E.S. *Sotsial'no-politicheskie vzglyady Avreliya Avgustina : avtoref. dis ... kand. ist. nauk* [Social and political views of Aurelius Augustin : Abstr. of diss.], Stavropol, 1999, 26 p. (in Russ.).

Golovko L.V. *Institut ugovolno-pravovoy mediatsii i ego perspektivy v Rossiyskoy Federatsii* [Institute of Criminal And Legal Mediation and Its Prospects in the Russian Federation], *Zakon*, 2009, no. 4, pp. 127-135. (in Russ.).

Gromov V.G., Minkina N.I. *Mediatsiya v uregulirovanii konfliktov sredi osuzhdennykh i preduprezhdenii prestupnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh* [Mediation in conflict resolution among convicts and prevention of crime in correctional institutions], *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 459-469. (in Russ.).

Kodeks professional'noy etiki advokata : prinyat I Vseros. s»ezdom advokатов 31 yanvarya 2003 g. (red. ot 20.04.2017) [Lawyer's code of professional ethics, was adopted by the First all-Russian Congress of lawyers on January 31, 2003 (as amended on April 20, 2017)], available at: <https://to77.minjust.gov.ru/ru/kodeks-professionalnoy-etiki-advokata-1> (accessed April 10, 2020). (in Russ.).

Kostogryzov P.I. *Obshchinnoe pravosudie v stranakh Latinskoj Ameriki* [Community Justice in Latin American Countries], Moscow, Yurlitiform, 2018, 248 p. (in Russ.).

Kudryavtsev M. *Traditsionnye formy primireniya v obychayakh russkogo naroda (iz istorii obshchinnogo samoupravleniya v Rossii)* [Traditional forms of reconciliation in the customs of the Russian people (from the history of community self-government in Russia)], *Vestnik vosstanovitel'noy yustitsii*, 2014, no. 11, pp. 64-74. (in Russ.).

Kuri Kh. *Mediatsiya, vosstanovitel'noe pravosudie i sotsial'naya reintegratsiya pravonarushiteley: posledstviya mer, al'ternativnykh ugovolnomu nakazaniyu* [Mediation, restorative justice and social reintegration of offenders: the effect of alternative sanctions to penal punishment], *Aktual'nye problemy ekonomiki i prava*, 2015, no. 3 (35), pp. 172-194. (in Russ.).

Kuri Kh., Il'chenko O.Yu. *Mediatsiya i vosstanovitel'noe pravosudie kak sovremennye tendentsii ugovolnogo protsessa: rossiyskiy i zarubezhnyy opyt* [Mediation and restorative justice as tendencies of modern criminal process: Russian and foreign experience], *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2015, no. 1, pp. 120-129. (in Russ.).

Medvedeva G.L. «Pushkinskaya rech'» F.M. Dostoevskogo kak filosofiya postupka primireniya [“Pushkin's speech” by F. M. Dostoevsky as the philosophy of the act of reconciliation], *A.V. Pochinonov (comp.), Dergachevskie chteniya-2000: Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti : materialy Mezhdunar. nauch. konf., Ekaterinburg, 10–11 okt. 2000 g. : v 2 ch.*, Yekaterinburg, Izdatelstvo Uralskogo universiteta, 2000, pt. 1, pp. 131-133. (in Russ.).

Ponasyuk A.M. *Uchastie advokata v uregulirovanii yuridicheskikh sporov posredstvom mediatsii : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Participation of a lawyer in the settlement of legal disputes through mediation : Abstr. of diss.], Moscow, 2011, 29 p. (in Russ.).

Rudenko V.N. *Uchastie grazhdan v otpravlenii pravosudiya v sovremennom mire* [Citizen participation in judiciary in contemporary world], Yekaterinburg, UrO RAN, 2011, 644 p. (in Russ.).

Rusman G.S. *Razvitie mediatsii v ugovolnom sudoproizvodstve* [Development of mediation in criminal proceedings], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2012, no. 20, pp. 66-69. (in Russ.).

Shatikhina N.S. *Institut mediatsii v rossiyskom ugovolnom prave : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of Mediation in Russian Criminal Law: Abstr. of diss.], St.-Petersburg, 2004, 28 p. (in Russ.).

Sofiyuchuk N.V., Valeev A.T. *Predposylki vnedreniya instituta mediatsii v ugovnoe sudoproizvodstvo Rossiyskoy Federatsii (Kriminologicheskiy i protsessual'nyy aspekty)* [Prerequisites the quisites the implementation of the institute of mediation in criminal proceedings of Russian Federation (Criminological and procedural aspects)], *Kriminologicheskiy zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 2014, no. 4, pp. 114-124. (in Russ.).

Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2001 goda № 174-FZ (s izm. i dop.) [Criminal procedure code of the Russian Federation No. 174-FZ of 18.12.2001 (with changes and additions)], *Rossiyskaya gazeta*, 2001, 22 dec., available at: <https://base.garant.ru/12125178/> (accessed April 10, 2020). (in Russ.).

Vasilenko A.S. *Mediatsiya i drugie programmy vosstanovitel'nogo pravosudiya v ugovnom protsesse stran anglosaksonskogo prava : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Mediation and other restorative justice programs in the criminal process of Anglo-Saxon law], Moscow, 2013, 32 p. (in Russ.).

Voropay T.S. *Chelovek v mire slova: Mikhail Mikhaylovich Bakhtin (1895–1975) (obzor)* [Man in the world of words: Mikhail Bakhtin (1895–1975)], A.I. Panchenko (resp. ed.), I.S. Andreeva (comp.), *Sbornik obzorov i referatov. Ser. «Filosofiya»*, Moscow, 2001, pp. 53-75, available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=216361> (accessed May 06, 2020). (in Russ.).

Voskobitova L.A., Sachkov A.N., Tkachev V.N. *Mirovaya yustitsiya: k voprosu o vnedrenii idey vosstanovitel'nogo pravosudiya* [World Justice: on the issue of introducing the ideas of restorative justice], *Rossiyskoe pravosudie*, 2007, no. 12, pp. 76-84. (in Russ.).

Yungus G.A. *Gnoseologicheskie i ontologicheskie aspekty posrednichestva (mediatsii) v ikh sotsial'no-filosofskoy interpretatsii* [Epistemological and ontological aspects of mediation in their socio-philosophical interpretation], *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2018, vol. 28, iss. 3, pp. 292-296. (in Russ.).

Yungus G.A. *Mediatsiya: sotsial'no-filosofskiy analiz : avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Mediation: social and philosophical analysis : Abstr. of diss.], Vladivostok, 2020, 24 p. (in Russ.).

Zehr H. *Vosstanovitel'noe pravosudie: novyy vzglyad na prestuplenie i nakazanie* [Changing lenses: a new focus for crime and justice], Moscow, Izdatel'stvo Tsentra "Sudebno-pravovaya reforma", 2002, 328 p. (in Russ.).